

Сергей ПИЧУРИЧКИН

Кофе
«Канучино»

Странная повесть о любви

18+

Сергей Пичуричкин
Кофе «Капуччино».
Странная повесть о любви

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Пичуричкин С.

Кофе «Капучино». Странная повесть о любви /
С. Пичуричкин — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Если ты считаешь, что твое сердце отлюбило свое, не читай эту повесть. Если говоришь о любви в прошедшем времени, не открывай страниц книги, не вороши прошлое, потому что прошлое предстанет в настоящем, всколыхнет чувства. Не порть себе кровь, лучше займись домом, или своими волосами, или дачей, просто пожарь яичницу. Кто знает, а вдруг «Кофе «Капучино» разбудит твое сознание, заставит кровь быстрее двигаться, взбодрит, и тогда тебе придется вновь испытать самое большое в мире неудобство — бессонницу под названием «любовь». И дело тут не во мне или в написанных словах. Дело в кофе — напитке, признанном во всем мире напитком тонизирующим.

Содержание

Вступление	5
Пятнадцать минут восьмого	7
Одуванчики	8
Кому нужны пуговицы	10
Я люблю тебя	11
Первое свидание	13
Первый поцелуй	14
Путепроводчик	15
Всё в одном	16
Мы с тобой где-то встречались	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вступление

«Повесть о любви» будет переиздаваться бесчисленное число раз до тех пор, пока существует хотя бы один носитель информации, способный донести слово. И даже когда этот носитель исчезнет, все равно будет переиздаваться. Или передаваться? До тех пор, пока живы в материи страсть и желание. Пока живы в душе любовь, покой и красота. Пока жив в сознании Свет. Пока мир дышит такими словами, как «любовь», «красота», «спасение». Потому что все это тоже носители, способные донести слово любви.

Странная повесть о любви – повесть жизни каждого из нас.

Ты будешь читать мою повесть каждый раз, когда тебе станет одиноко. Каждый раз, когда мужа не будет дома. Каждый раз, когда я буду далеко. И каждый раз, когда я окажусь рядом. Ты будешь читать мою повесть каждый вечер, лежа в постели в ожидании сна. Ты будешь читать мою повесть, сидя с подругами в кафе, в офисе, во дворе дома, в бассейне, на даче. Ты будешь читать мою повесть, ополаскивая себя в ванной комнате. И, причесывая себя у зеркала, ты будешь читать мою повесть. Ты будешь читать мою повесть, засыпая возле телефона, который так и не позвонил желанным голосом. Ты будешь читать мою повесть в каждом романе, купленном возле метро, в титрах каждого фильма, который ты смотришь. Отправляясь с любовником на юг, ты будешь читать мою повесть. Ты будешь читать мою повесть с ним и для него. Ты будешь читать мою повесть в каждом стихотворении, оставшемся в памяти со школьных уроков. Ты будешь читать мою повесть в каждом новом знакомстве. Ты будешь читать мою повесть в каждом мужчине, проходящем мимо. И с каждым мужчиной, с которым решишь остаться в этот вечер. Ты будешь читать мою повесть в каждой паре молодых людей, встреченных тобой на улице. И в каждой паре людей немолодых ты тоже будешь читать мою повесть. Ты будешь читать мою повесть, думая обо мне. Ты будешь читать ее, обо мне не думая. И, даже обещая себе не думать обо мне никогда больше, ты все равно будешь читать мою повесть. Ты будешь читать мою повесть задолго до того, как меня встретишь. И долго после того, как меня не станет.

Моя повесть шире, чем наша с тобой любовь. Моя повесть внутри того, что называется «наша любовь». Мы сами и есть – странная повесть о любви.

Я пишу тебе эту повесть, потому что люблю тебя.

Не ищи в ней замысловатых сюжетов и хитросплетенных фраз. Я собрал здесь самые простые слова, которые хранит мое сердце. В них, рожденных когда-то покоем и тишиной, и кроются все хитроумные сюжеты и замысловатые слова, рожденные впоследствии временем. И моя душа, породившая их, простые и вечные слова, тоже колышется здесь, среди кустарников предложений, значений и смыслов. Моя душа, что проснулась однажды, потянулась среди зашторенной комнаты и прочувствовала, что влюблена. «Я влюблена», – сказала душа, но шторы промолчали.

«Я влюблена», – сказала ты на другом конце земного шара, и два облака настроений поплыли навстречу друг другу сквозь пространство и запахи. Они плыли, сами не замечая, как прокладывают пути свои сквозь время, сокращая расстояние своей встречи. Нашей с тобой встречи.

Когда мы встретимся, ты прочтешь мою повесть. Странная повесть о любви. Самая странная из всех, которые я когда-либо писал. Хотя, возможно, некоторые критики назовут другую мою повесть странной повестью или назовут странным вообще все, что я написал, но мы то с тобой на самом деле знаем, кто настоящий критик моего творчества. Когда ты прочтешь мою повесть, ты спросишь, как я ее писал. Ты спросишь, как я писал ее, откуда взял слова и ощущения, и я что-нибудь пошучу на этот счет, так и не дав тебе ответа. Потому что тебе он особо и не нужен, мой ответ...

На самом деле, я не писал этой повести. Вся моя повесть – медитация, поднимающая в небеса потоки живительной силы. Я сижу. Лежу. Прислонившись в метро к дверце с надписью «Не прислоняться», изучаю глаза читающей напротив блондинки. Сижу в кресле самолета, нанизывая на винты рифмы пришедших только что стихов, распаковываю пакет с задыхнувшейся нарезкой семги. Лежу в поезде, примеряя стук колес к тактам моего сердцебиения. Кстати, только что прошла проводница с корзинкой: «Фисташки, шоколад, сигареты, пиво». Я сижу. Лежу. Хожу через ограниченный промежуток времени по ограниченной поверхности пространства. И медитирую. Все время медитирую. Если можно назвать медитацией постоянное присутствие в сердце любви. А как же это еще назвать? А что же этим еще назвать? И каждый новый промежуток времени, и очередной отрезок пространства вдыхает в меня еще любви. Любви к тебе. Или любви тебя? Как правильно говорится? Я сижу. Лежу.

Наша с тобой любовь – медитация травы, распускающейся у подножия горы Эльбрус. Медитация вкуса и цвета, запаха и надежды, влаги и жажды, томления и настроения, одиночества и полноты, можно дальше продолжать противопоставления, но лучше перейти на однородные понятия, которые пишутся через запятую. Впиши сама слова, которые сделают меня ближе. Которые помогут тебе почувствовать мои соки, мои сердечные колебания, флюиды. Кажется, так звучит новое слово, которым наука помогает жаждущим любви прагматикам объяснить силу сердечного притяжения. Впиши сама эти слова. Запятые я уже проставил: через определенные промежутки времени на определенные расстояния пространства. Соедини мою медитацию со своей, помоги мне пробить толщу планетарного эфира, сделай хотя бы шаг, хотя бы колебание навстречу мне. Предлагаю нашим медитациям встретиться вон на том отступе, неподалеку от низкой вершины Эльбруса. Прекрасное место. Они смогут там вдоволь насладиться друг другом, пресноводные овечки. А потом, отдохнув всласть, напившись свободы и накушавшись молодой сочной травы собственных утех, легко вернуться домой – в твое и мое сердце.

Даже сейчас, сидя в уравновешенной строителями утробе своей спальни перед монитором, жадно всасывающим в матовость своего экрана буквы, избранные моими пальцами из клавиатуры, я медитирую на ощущение... как бы это правильнее сформулировать... на ощущение тебя. Пожалуй, это наиболее близкое определение. Да, на ощущение тебя. Словно вода, пущенная в фонтане по кругу, проходит поток через мое сердце, вновь и вновь возвращаясь. С каждым новым витком поток увеличивается, все ярче и насыщеннее ощущение, от него исходящее. Странное дело... при всей законченности моего тела поток этот умудряется прибавляться. В фонтане вода прибавляться не может. Значит, я не фонтан. Или я – фонтан, но в таком случае откуда-то идет дождь, который наполняет этот поток. Может быть, ты и есть мой дождь? Или ты – облако, застывшее рядом с высоким пиком Эльбруса, на котором пасутся две овечки?

Пятнадцать минут восьмого

Стоя в озере по пояс в воде, я знаю, что ты плывешь ко мне с другого берега. Знаю, потому что чувствую. Тонкие, плавные волны едва колышут водную гладь, щекочут мою кожу, давая понять, что ты приближаешься. Все чаще повторяются круги на воде, все отчетливее щекотание. Но самой тебя еще не видно. Маленький утес, засеянный одуванчиками, скрывает тебя. Новая волна, еще одна, следующая. Тебя все еще нет, но ты уже здесь. Это твои волны гладят, ласкают меня, шепчут своим шелестом о том, что ты на пути ко мне, что ты вот-вот будешь.

Ты появляешься. Совсем близко. Плывешь плавно, осторожно, уверенно; плывешь в мою сторону. Я могу протянуть к тебе руку и коснуться тебя, но я не протягиваю. Я стою и жду, пока подплывешь окончательно, пока не перестанут волны бить мою кожу. Ты перестаешь плыть и встаешь рядом. Волны теперь не ко мне, а от нас плывут к берегу. Каждое наше движение (мы не плывем, мы просто стоим на мелководье и целуемся, обнимаем друг друга, прижимаемся мокрыми телами), каждое наше движение возбуждает волну. Наши с тобой тела, только что исходящие по воде разными волнами, стали единым эпицентром для новой, мощной волны, пожравшей обе предыдущие. Давай заведем ребеночка, прямо здесь, в воде. Тогда наша волна станет еще сильнее, потому что вберет в себя три.

А теперь все то же самое, только озеро – это время, вода – жизнь, мы с тобой – мы с тобой и есть, волны – все те же волны: то накатывают, то отступают, но помогают чувствовать.

Ты доплыла. Я подождал несколько мгновений, повернулся и...

– Девушка, не подскажете, который час?

Одуванчики

Стоя на палубе, ты хохотала. Хохотала и хорошела. Пока ты хорошела, от твоего сердца оторвалось несколько хорошеньких одуванчиков и полетело прочь, куда-то далеко-далеко от нашей с тобой палубы, на которой стоял и я.

Одуванчики полетели за своими жертвами. Жертвами одуванчиков бывают обычно глаза юных подростков, пытающихся постичь прелесть твоей любви своими зрачками. Обычно подростки слепнут.

А я строил гримасы. Тебе, солнцу, пароходу, пролетающим мимо чайкам. Собственно, над этими гримасами ты как раз и хохотала. Пятнадцать минут второго пополудни. Чайки не обращали внимания, пароход плыл себе заданным курсом, солнце вообще не видело моих гримас, ты хохотала, а подростки слепли. Правда, на другом берегу моря, спустя несколько месяцев после моих гримас, но все равно слепли. Мне даже не хотелось спасти этих подростков.

«Я влюблена», – повторило предсердие твоего организма, и целая стайка одуванчиков отшвартовалась от твоего существа и взяла курс на город Ростов. Между прочим, в Ростове трое молодых людей почти в это же самое время получили ожоги глаз. Ладно, шучу. Ожоги получили только двое. Третьего накрыла базедова болезнь. Опять шучу. Он просто умер: задохнулся одуванчиками.

«Я влюблена, – повторила моя душа и тихонечко завывала: Я влю-ю-ю-бле-е-е-на-а-а...» – так выла моя душа, но не как воеет волчица, а как воеет свирель в тонких пальцах... опять забыл, как будет правильно... свирельщика. – «Я влю-ю-ю-бле-е-е-на-а-а...» Слышишь, как блеют овечки у подножия Эльбруса?

Ты перестала хохотать: у меня кончились гримасы, у тебя – одуванчики. Перестала хохотать и посмотрела мне в глаза. Просто посмотрела, без всяких эпитетов, даже не сделала шага навстречу, не взяла в свои ладони мою руку, не запрокинула голову, не укрылась ладонью от встречного солнца... между прочим, это ему я строил гримасы... не повернулась, продемонстрировав изящный изгиб своей шеи, не пококетничала, не смутилась, не поправила прядь волос, не... что там еще делают в книгах в таких случаях? Просто посмотрела своими глазами в мои глаза.

«Я знаю, что ты влюблен. Я тоже влюблена», – сказала твоя душа моей душе, но как сказала! Ощущения, рожденные внутри твоего тела, передали некие импульсы посредством нервных окончаний в какую-то там часть головного мозга, после чего по нейронам побежали импульсы к другой части головного мозга, откуда сигнал был передан в тончайшие нервные окончания сетчатки глаз, что сформировало соответствующую реакцию глаз на внутреннее ощущение. Мои глаза посредством диафрагмы тоже передали визуальную картинку в соответствующую область моего мозга, откуда сигнал был передан по специально отведенным для любви каналам в нервные окончания другой части мозга, отвечающей за передачу любовных ощущений в сердечную мышцу и наполнение этой сердечной мышцы ощущением, которое и творилось в твоей душе в этот миг. И это я еще не описал химические реакции и влияние жидкостей в организме.

«Я знаю, что ты знаешь», – ответила тебе моя душа простым кивком головы. Описать, как это происходит?

– Все нормально?

– Да. Ты меня проводишь?

– Провожу ли я тебя? Ты это специально спросила или со мной на палубе дурочка?

– Конечно, дурочка. Кто же еще может любить тебя такого?

– Какого – такого?

– Такого, как ты?

- Только одна девушка на земле... такая, как ты.
- Какая – такая?
- Пойдем, в каюте расскажу.
- Ты опять обманешь. Ты начнешь целовать и ничего не расскажешь.
- Тогда покажу.
- Обещаешь?
- Обещаю.
- Интересно было бы посмотреть.

Кому нужны пуговицы

Ты замочек, а я – ключик. Ты – ключик, а я замочек. Но ключики, которые создали люди, стационарны. Люди, которых создали ключиками, подвижны. Человек – создатель ключика и замочка, имел в наличии форму, металл, чертеж, всякие там приспособления и необходимость защитить свои ценности – жилье, сейф, письменный стол, дамскую сумочку своей спутницы. У Создателя человечков, помимо всего прочего, был еще человеческий рост (моральный, материальный, нравственный, духовный), а еще обязанность (или необходимость, может быть, даже желание) даровать этим своим ключикам-замочкам свободу выбора. Кстати, надо еще разобраться, была ли у Него необходимость что-то защищать своими замочками-человечками или Он создавал эти сложные механизмы ради собственного удовольствия, чтобы можно было, глядя на них, то и дело восклицать: «Хорошо! Что может быть лучше?» Мне кажется, что защищать что-то было необходимо, поскольку мы, по Его словам, и сосуды, и меха, и много еще чего, во что можно складывать, наливать, засыпать. Но это долгая философская тема, и я заговорил об этом только лишь потому, чтобы ты отметила для себя (хотя и не сказала вслух, а лишь снисходительно улыбнулась), что философские размышления мне не чужды. В общем, набился на комплимент.

Что же до человечков-ключиков и замочков, то они, сделанные однажды, растут, изменяются с годами и опытом и очень часто перестают соответствовать друг другу. Даже если физически ключик вставляется в замочек, есть еще и другая сторона медали, когда внутренне они уже не подходят друг другу. Их пазы не совпадают...

– Ладно, соловья не кормят баснями, а женщину – мудростью. Пойдем спать. Хочешь, я расскажу тебе сказку?

– Какую?

– Про лису и зайчика.

– И петуха?

– Без петуха...

– А где петух?

– Съели...

– Хочу. Только ты мне ее точно расскажешь или как вчера?

– А что было вчера?

– Вчера ты грязно отымел меня еще задолго до того, как Красная Шапочка встретила Серого Волка.

– Как я мог? Это гнусная ложь. При всем своем желании я не мог бы сделать это так быстро: твой халат долго расстегивается. Помнишь, сколько на нем пуговиц?

– А ты когда-нибудь его расстегивал?

Я люблю тебя

На каждой виноградине, что лежит у нас на кухне, в каждой капле вина, распитого нами вчера, в каждом моем поцелуе, погибшем с бельем в недрах стиральной машины, оставленном вместо загара на ощущениях твоей кожи, в каждом поглаживании твоих волос, в растирании кремом твоих плеч, в каждом твоём вздохе, в каждом моем нежелании, чтобы ты уходила, в каждом дэне твоих колготок, в каждом поглаживании твоих чулок, в каждой мелодии, которую я включаю тебе, в каждом действии, производя которое я мысленно вызываю твой образ, в каждой записке, полученной тобой от меня на школьных уроках, в каждом заигрывании травинкой с твоей щекой, с твоим ухом, в каждом неожиданном возвращении родителей с работы и детей из школы, в каждом поглаживании твоей руки, в каждом завитке волос, перебираемых моими пальцами, в каждом глотке воды из принесенного мною стакана, в каждом глотке воды из принесенного тобою стакана, в каждом прибитом мною гвозде, в каждом купленном у метро цветке, в каждой капле росы, осевшей на цветах, в каждом чирикании соловья, прыгающего с ветки на ветку, на каждой из сорванных в горсть ягодок земляники и на клубнике, оставшейся в саду, в каждой расстегнутой мною пуговице, на первом галстуке, одетом на выпускной вечер, в расстегнутой твоей рукой ширинке, в первом обещании, в каждом первом обещании, в каждом ожидании, в каждом прощении, в ежедневном общении, в утреннем кофе, в позднем ужине, в первом упреке, в последнем признании, в последнем вздохе, в переворачивании твоих фотографий, в пожелании спокойной ночи, в новом стихотворении, в лучшем стихотворении, в робких словах, в робких прикосновениях, в жадных поцелуях, в перетягивании одеяла во время сна, в укрывании твоих плеч моим пиджаком, в поглаживании твоих щек моими пальцами, в красивом ухаживании, в беспардонном обращении, в хамском отношении, в безупречном гардеробе, в полуночном домогании, в безумном изнасиловании, в тупой досаде, в глупой ревности, в пощечине, в клятве хранить верность, в просьбе поставить белый танец, в боязни прикоснуться, в жестоком оскорблении, в животном страхе остаться одному, в надежде на возвращение, в каждом взгляде, наполненном обожанием, на кончике каждого моего пальца, в каждой слезинке умиления, в наслаждении подглядывать за твоими действиями, на кончике каждого твоего пальца, в каждом телефонном звонке тебе, в подсматривании за тобой в ванной, в постели, в нижнем белье, в поцелуях, во всех поцелуях, которые были и которые представлял, в коленках, в капроне на коленках, в столах, во вздохах, в молчании, в неловком молчании, в растерянности, в невинной растерянности, в наивности взглядов, в порочности действий, в порочности слов, в детях, измазанных в кефире, в прочности обещаний, в нерешительности признаний, в обязательности исполнений, в правильности решений, в каждом ужине при свечах, в каждой свече во время ужина, в каждой поездке за город, в каждом невозвращении к прошлому, в каждом воспоминании о прошлом, в каждой клятве не быть прежним, в каждой клятве хранить прошлое, в каждой букве этой повести, в каждой строке наших писем, в записки подружек, в маминой осторожности, в бигудях на голове, в неловком оправлении юбки... – всюду разлито «я люблю тебя».

Милая, родная, единственная, неповторимая, сладкая, нежная, добрая, желанная, неугомонная, страстная, теплая, родная, божественная, женственная, непоседливая, непостоянная, вредная, язвительная, колкая, мягкая, тонкая, гибкая, шумная, кроткая, свирепая, неугомонная, необузданная, застенчивая, наивная, простая, добродушная, подозрительная, коварная, неподкупная, непостоянная, постоянная, необузданная, неугомонная, неукротимая, кроткая, застенчивая... в любой из этих тебя разлито «я люблю тебя».

Ты думаешь, что мне помог Ожегов?

Не думаешь? Тогда люби меня, терзай, желай, проклинай, ненавидь, гони, возвращайся, обнимай, целуй... целуй... грусти, плачь обо мне, плачь от радости меня увидеть, плачь из-

за меня, пиши письма, звони по телефону, скрывайся... тебе все равно никуда не деться, пока пасутся овечки на склоне Эльбруса.

Мне нравится хотеть тебя. Мне нравится додумывать тебя. Мне нравится додумывать за тебя. Мне нравится обращать на себя твое внимание. Мне нравится быть для тебя кем-то особенным. Мне нравится просто для тебя быть. Уши, которыми ты любишь, вряд ли смогут услышать больше. Слушай. Пей. Я навсегда утолил твое чувство жажды? Или чувство твоей жажды?

– Ты еще здесь, а я уже скучаю.

– Закажем еще «Капучино»?

Первое свидание

Тогда все было иначе...

...

- Тогда все было иначе.
- Ты был другим: назначал мне свидание у памятника Пушкину.
- Ты была другой: стеснялась брать у меня деньги на косметику.
- Давай встретимся сегодня в восемь у памятника Пушкину, побудем прежними.
- В этом городе нет памятника Пушкину.

Первый поцелуй

Только бы не...

Путепроводчик

Путь от сердца к коже пролегает через небеса. А небеса – это путь птицы, летящей над дорогой, по которой ты идешь. Иной раз мне бывает сложно увидеть свой путь, но я всегда четко вижу путь, которым ты приходишь ко мне. Ты приходишь ко мне со своей прожитостью. Прожитость – люблю это слово. Прожитость – это не прожитые годы. Прожитость – это ощущения, которыми ты прошла и которые сохранила в ауре своего лица, в настроении своей осанки, в коже своего тела. Прожитость – парфюм твоих надежд и потерь, желаний и разочарований. Не знаю, понимаешь ли ты хоть что-то из того, что я говорю сейчас...

– Мне кажется, мы с тобой уже встречались.

Все-таки понимаешь...

Всё в одном

- Ты всё?
- Да.
- Я тоже...

Мы с тобой где-то встречались

У тебя тоже сложилось такое ощущение? А еще ощущение, что мы давно знакомы? Но ты не веришь в перевоплощение и, тем более, в жизнь до нашей с тобой нынешней жизни. До этого самого момента, когда у тебя сложилось впечатление, что ты меня где-то видела. Но ты видела меня, и ты меня хорошо знаешь. При этом ты точно знаешь, что мы не виделись. Не ломай голову. Можно видеться до, а можно видеться позже. Мы с тобой друг друга знаем, мы с тобой виделись: не в прошлом, а в будущем. Мы с тобой знакомы, потому что прошли долгий путь вместе. Не когда-то давно, а когда-то впереди. С этого вот самого момента и дальше. Мы же с тобой песочные часы. Песочным часам не важно, какая часть сегодня сверху, какая снизу. Они просто знают друг друга много-много раз, эти крохотные песчинки песочных часов. Они проходили много путей вместе, сверху вниз и снизу вверх, но только когда низ становился верхом, а верх – низом. Так до бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.